

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-92-101

МИФОЛОГЕМА «ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ» В СОВЕТСКОМ ОЧЕРКЕ

Дячук Т. В.

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Выборгский филиал*

191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, Российская Федерация

Аннотация. Цель настоящей статьи – восстановить и проанализировать историко-литературную преемственность между русским писателем второй половины XIX в. Г. И. Успенским и советскими очеркистами В. В. Овечкиным и Е. Я. Дорошем. Основанием этой преемственности является открытая Успенским формула «власть земли», в которой были синтезированы архаические представления о «матери-сырой земле» и религиозная идея воскресения человека. «Власть земли» стала национальной мифологемой, востребованной русской интеллигенцией в кризисные периоды национальной культуры. Статья адресована всем интересующимся русской литературой.

Ключевые слова: Г. И. Успенский, В. В. Овечкин, Е. Я. Дорош, «власть земли», очерк.

THE MYTHOLOGEM “THE POWER OF THE LAND” IN THE SOVIET ESSAY

T. Dyachuk

Herzen State Pedagogical University of Russia, Vyborg branch

48 naberejnaya r. Moiki, St. Petersburg 191186, Russian Federation

Abstract. The goal of the article is to restore and to analyze the historical and literary continuity between the works of the Russian writer of the second half of the 19th century, G. Uspensky, and Soviet essayists V. Ovechkin and E. Dorosh. The basis of this continuity was “the power of the land” formula discovered by Uspensky, which synthesized archaic ideas about the “mother-raw earth” and the religious idea of the resurrection of man. The “power of the land” has become a national myth, much-needed by the Russian intelligentsia during the crisis periods of the national culture. The article is addressed to all those interested in Russian literature.

Keywords: G. Uspensky, V. Ovechkin, E. Dorosh, essay, “the power of the land”.

Начало 1950-х гг. было отмечено широким всплеском популярности писателя-народника Г. И. Успенского и появлением острокритических «колхозных» очерков В. В. Овечкина, Е. Я. Дороша, Г. Н. Троепольского. Советские писатели испытали идейно-художественное влияние Успенского, о чём не раз упоминалось в исследовательской литературе [1, с. 26; 8, с. 5–8; 10, с. 238]. Несмотря на то что декларировалась их «внутренняя творческая связь» [3, с. 137], сам принцип

этой связи оставался непрояснённым [6, с. 52], в чём немалую роль играли внелитературные факторы [7, с. 14–23]. В настоящем исследовании будут проанализированы мотивы, побудившие советских писателей обратиться к творческому наследию Успенского.

Появление острокритических очерков Овечкина «Районные будни» (1952–1956) совпало с новым партийным курсом в области литературы, объявленным в феврале 1952 г. В преддверии XIX съезда партии И. В. Сталин заявил о том, что советская литература нуждается в новых Гоголях и Щедриных [4, с. 163]. Объектом критики должна была стать партийная бюрократия, среди которой намечалось произвести номенклатурные чистки.

Очерки Овечкина далеко превосходили этот политический заказ. По сути, автор «Районных будней» зафиксировал катастрофический разлом внутри советского общества, когда партия находится едва ли не во враждебных отношениях с народом (особенно смелым был очерк «Трудная весна»). В очерках речь шла о сельской партийной бюрократии, которая грубо попирает многовековые традиции земледелия, в результате чего колхозники теряют привычку к крестьянскому труду, а сами представители власти морально деградируют.

Критика партийного руководства поддерживалась верой Овечкина в действенную силу художественного слова. В его письмах и рецензиях повторялась мысль о том, что литература о деревне должна прежде всего «помогать делу», способствовать подъёму сельского хозяйства. Такая задача требовала особой жанровой формы. Овечкин заявлял: «Если вся литерату-

ра – армия на идеологическом фронте борьбы за коммунизм, армия наступающая, то очерк представляется мне как бы небольшим подвижным разведывательным отрядом, выброшенным далеко вперёд. Такая литературная разведка больших жизненных проблем нам сейчас действительно очень нужна»¹. Писатель многократно высказывался в защиту очерка, апеллируя при этом к опыту Г. Успенского (например, в тезисах «Беседы с журналистами и работниками печати» (1964)² или в письме к В. А. Нефёдовой от 2 августа 1954³). В письмах, интервью и выступлениях на съездах Овечкин вёл борьбу за социально мобилизующую литературу, которую должен создавать писатель нового типа. Такой писатель обязан жить среди героев своих произведений, а не занимать уютную квартиру в Лаврушинском переулке и дачу в Переделкино. В пример Овечкин приводил Глеба Успенского, который «провёл всю жизнь в дороге, на постоянных дворах»⁴ (из «Речи на II съезде писателей СССР» (1954)).

Успенский привлекал Овечкина прежде всего особым отношением автора и создаваемого им текста к внелитературной реальности: достоверностью, отсутствием вымысла, апелляцией к немедленному социальному действию.

¹ Овечкин В. В. Колхозная жизнь и литература // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Советский писатель, 1990. С. 39.

² Овечкин В. В. Беседа с журналистами и работниками печати (Тезисы) // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Советский писатель, 1990. С. 81.

³ Овечкин В. В. Письмо к В. А. Нефёдовой от 2 августа 1954 года // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Советский писатель, 1990. С. 277.

⁴ Овечкин В. В. Речь на II съезде писателей СССР // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Советский писатель, 1990. С. 12.

Внимание Овечкина привлёк цикл Успенского «Живые цифры» (1888). В годы его создания Успенский пришёл к убеждению, что литература, стремящаяся к преобразованию действительности, должна отказаться от художественного вымысла и предоставить читателю факты. Как казалось Успенскому, наиболее достоверным фактом являются цифры статистики, которые дают импульс к созданию художественного образа [5]. Так построен знаменитый очерк Успенского «Четверть лошади» (из цикла «Живые цифры»), прочитав который, Овечкин «возлюбил цифры» [2, с. 97].

Вслед за Успенским, советский очеркист стремился превратить художественный текст в документ. Цикл «Районные будни» переполнен расчётами, доказывающими неэффективность колхозного труда. Факты, обнаруженные Овечкиным, взывали к немедленному преобразованию системы администрирования крестьянским хозяйством.

Подход Овечкина к очеркам Успенского был избирателен. Автор «Районных будней» внимательно читал построенный на статистике цикл «Живые цифры» (1888), но игнорировал рассказ о религиозной связи человека с мать-сырой землёй в цикле «Власть земли». Вспоминая о том, как в молодости он тосковал на бюрократических должностях, Овечкин размышлял: «Земля звала... “Власть земли”? Да, но не такая. Не то чтобы иметь её. А просто – иметь право делать»¹. Овечкин переиначивал формулу Успенского: не «власть земли», а

власть «над землею», поэтому главным объектом изображения в «Районных буднях» были не колхозники, а те, кто ими управляет. По точному замечанию писателя Атарова, «вообще он не искал правды в деревне – он для деревни правды добивался» [2, с. 96].

На призыв Овечкина писать о деревне так, «чтобы помогало делу», откликнулись многие советские писатели (Е. Я. Дорош, Г. Н. Троепольский, В. Ф. Тендряков, С. П. Залыгин, А. Я. Яшин и др.). Подобно писателям-народникам, они совершили своё, советское «хождение в народ». Как описывает В. Солоухин в «Владимирских просёлках», они отправились из столицы в глубь России – познавать свою крестьянскую родину.

Опыт Успенского был востребован прежде всего в творчестве Е. Я. Дороша. Не случайно, свой «Деревенский дневник» (1954–1955) Дорош назвал с явной оглядкой на цикл очерков Успенского «Из деревенского дневника» (1877–1880). В течение многих лет Дорош наблюдал крестьянскую жизнь в селе Пужбол в окрестностях Ростова Великого. Свои наблюдения и выводы писатель отразил в ряде очерков, помимо уже названного «Деревенского дневника»: «Дождливое лето» (1956), «Райгород в феврале» (1957), «Два дня в Райгороде» (1958), «Дождь пополам с солнцем» (1959), «Сухое лето» (1960), «Иван Федосеевич уходит на пенсию» (1961), «Поездка в Любогостицы» (1962), «Пятнадцать лет спустя» (1967).

В «Деревенском дневнике» Дороша преобладал пафос социальной критики. Её объектом, как и в овечкинских очерках, оставалась бюрократическая система управления сельским хозяйством. Вслед за автором «Районных

¹ Овечкин В. В. Наброски (Автобиографические) // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Советский писатель, 1990. С. 245.

будней», Дорош взывал к «беспощадной силе статистики»¹, и в его очерках часто встречаются «задачи», подобные этой: «В колхозе у Ивана Федосеевича, например, в прошлом году на 100 гектаров земельных угодий было получено 140 центнеров молока, а в одном из соседних колхозов – 13. Причина здесь прежде всего в том, что в первом случае на 100 гектаров приходится 10 коров, причём надоили с фуражной коровы в год около 1600 килограммов, а во втором – в среднем неполных две коровы, и дали они молока каждая в отдельности вдвое меньше, чем у соседа»².

Вместе с тем цифры статистики и достоверные факты были подчинены у Дороша иной, нежели у Овечкина, задаче, а именно: изобразить феномен крестьянской жизни, сохраняющей свою цельность вопреки бюрократическому давлению.

В то время как Овечкин изображал преимущественно людей, управляющих сельским хозяйством, Дорош избрал своим героем колхозника Ивана Федосеевича, подобно тому, как главными героями в циклах Успенского были русские крестьяне: Иван Ермолаевич в цикле «Крестьянин и крестьянский труд» (1880) и Иван Босых в цикле «Власть земли» (1882).

Дорош, стремясь «сделать ясным характер своих литературных отношений с действительностью» [9, с. 250], в 1963 г. опубликовал очерк «Мой друг Федосеев», в котором назвал имя, отчество и место жительства прототипа

своего героя – Иван Александрович Федосеев. Это председатель колхоза, четверть века ведущий борьбу против бюрократических методов хозяйствования на земле. По сути, все истории из колхозной жизни, рассказанные в очерках Дороша, сводились к требованию независимости крестьянского труда, традиции которого складывались веками.

Мысль Дороша о том, что крестьянин должен быть освобождён от бюрократической опеки, вела его к необходимости исследовать основы крестьянской жизни. И первое, что останавливает внимание Дороша, это эстетика крестьянского труда. Уже в первых главах «Деревенского дневника», где изображены сцены выгона скота и покоса, очеркист вспоминает об Успенском: «Есть в этих сборах, в этом возбуждении что-то праздничное, древнее-древнее, радостное, что выходит уже за пределы чисто хозяйственной, практической задачи, – на покосе можно и удаль свою показать, и мастерство. Тут важен не один лишь результат, не одно лишь количество скошенного сена, но и всё, что с этим сопряжено. Люди видят в работе и артистическую её сторону, то, что называется поэзией земледельческого труда»³. Третий очерк в цикле Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» назывался «Поэзия земледельческого труда». Вслед за Успенским, понятие «земли» у Дороша буквальное – это почва, которую пахут и возделывают. Веками возделанная старопашотная русская земля, по словам Дороша, представляет собой «поэму о русском земледелии и о рус-

¹ Дорош Е. Я. Дожливое лето // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 155.

² Дорош Е. Я. Дожливое лето // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 165.

³ Дорош Е. Я. Деревенский дневник // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 26.

ском земледельце»¹. Дорош сопоставляет своего героя Ивана Федосеевича с «поэтом-мужиком» Успенского².

Успенский был убеждён в том, что суть крестьянства состоит в выработке прекрасной, цельной, свободной личности, живущей «трудами рук своих» в гармонии с мирозданием. Этому убеждению Успенский посвятил всё своё творчество, начиная с 1880 г. (циклы «Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли», «Из разговоров с приятелями на тему власти земли» (1882), «Из путевых заметок» (1883) «Трудами рук своих» (1884), «“Пинжак” и чорт» (1884), очерки «Перестала» (1884), «Развеселил господ» (1886), «Последнее средство» (1886), «Избушка на курьих ножках» (1887), «“Трудовая” жизнь и жизнь “тружническая”» (1887), цикл «Письма с дороги» (1889), очерк «Крестьянские женщины» (1890)). Впервые формулу «власть земли» Успенский обнаружил в одноимённом цикле 1882 г. Согласно этой формуле, жизнь крестьянина полностью определяется природными условиями земледельческого труда. В отличие от городского человека, у которого интересы личной жизни и труда разделены, у крестьянина жизнь и труд гармонично слиты и подчинены безличной власти природы. Земля для крестьянина – первооснова его бытия. Таким образом, в формуле «власть земли» Успенский возрождает древнейшее мифологическое представление восточных славян о «матери сырой зем-

ле», сохранённое в русских былинах и пословицах. Одну из таких былин – о Микуле Селяниновиче – Успенский истолковывает в цикле «Власть земли».

Однако в контексте всего цикла, а также последующих произведений писателя, посвящённых крестьянству, мифологема «мать сыра земля» существенно усложнена. Зависимость от природы представляется Успенскому бессознательной стихийной силой – «зоологической лесной правдой»³. Подчиняясь ей, человек лишается нравственной свободы, уравнивается с деревом⁴, зверем, рыбой⁵. Крестьянство превращается в безличное и равнодушное «мы» (в очерках Успенского крестьянское «мы» сопоставляется с колониями стерляди на Волге и воблы в Каспийском море⁶).

Однако непосредственное знакомство с крестьянами убеждает Успенского в том, что перед ним незаурядные личности: Иван Босых, Иван Ермолаевич и другие герои крестьянских очерков. Следовательно, «власть земли» включает в себя действие ещё одной силы, корректирующей «зоологическую правду». С точки зрения Успенского, этой гармонизирующей силой является христианская идея воскресения, которую «божии угодники» внесли «в среду людей, кото-

¹ Дорош Е. Я. Деревенский дневник // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 33.

² Успенский Г. И. Крестьянин и крестьянский труд // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 36.

³ Успенский Г. И. Власть земли // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 80–81.

⁴ Успенский Г. И. Власть земли // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 29.

⁵ Успенский Г. И. Из разговоров с приятелями на тему «Власти земли» // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 134.

⁶ Успенский Г. И. Из путевых заметок // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 207.

рые «звериным обычаем живяху»¹. Иначе говоря, в мифологеме «власть земли» синтезированы представления о «зоологической правде» и «божьей правде». Именно этот синтез и делает русскую деревню столь привлекательной в глазах интеллигента, жаждущего духовного воскрешения.

Дорош признавался, что слова Успенского о «власти земли» показались ему «унизительными»², поскольку сначала он понял только «зоологическую правду» этой мифологемы. Оскорбительными для чести колхозника представлялись Дорошу и православные праздники, отмечаемые в советской деревне. Очеркиста возмущал «странный» обычай не работать в религиозные праздники: «Сколько хлеба, сена и овощей потеряет из-за праздника район, область, вся страна! Удивительная это дикость. Добро бы в бога верили, а то ведь и молиться не умеют, и что это за преобразование, почти никто не знает, а вот – праздник, работать грех ...»³. Церкви, как считал Дорош, нужно сохранить как памятники древнерусского зодчества: «Надо лишь взамен крестов поставить прапорцы или какие-нибудь резные металлические эмблемы»⁴.

Но по мере освоения русского земледельческого быта менялось отношение Дороша к крестьянской вере. Так,

в рассуждениях о празднике иконы Казанской Божьей матери Дорош приходит к выводу о том, что существует таинственная связь между природными, хозяйственными и религиозными представлениями русской деревни⁵. В народном мирозерцании очеркист обнаруживал религиозное отношение к земле. И то, что Дорошу, стороннему наблюдателю деревни, при первой встрече казалось религиозным предубеждением, по мере вживания в русский крестьянский мир обрело новый смысл. «Божий храм»⁶ предстал перед Дорошем пространством и священным, и домашним. А цельность крестьянской жизни оказалась связана с трудом на земле и верой в бога. И тогда, признаётся Дорош, «вспомнив давешние мысли о крестьянине и земле, решаю, что надо перечитать «Власть земли» Глеба Успенского, которую читал давно»⁷.

В очерке «Иван Федосеевич уходит на пенсию» Дорош представил свою интерпретацию «Власти земли» Успенского, обогащённую его опытом «хождения» в советский народ. Дорош останавливается на знаменитом фрагменте из «Власти земли», где Успенский сравнивает земледельца с актёром, играющим Мефистофеля или Демона⁸.

¹ Успенский Г. И. Власть земли // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 84.

² Дорош Е. Я. Иван Федосеевич уходит на пенсию // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 525.

³ Дорош Е. Я. Деревенский дневник // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 89.

⁴ Там же.

⁵ Дорош Е. Я. Дождливое лето // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 170.

⁶ Дорош Е. Я. Иван Федосеевич уходит на пенсию // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 519.

⁷ Дорош Е. Я. Иван Федосеевич уходит на пенсию // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 516.

⁸ Успенский Г. И. Власть земли // Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 25.

В самом деле, рассуждает Дорош, ведь никому не придёт в голову облегчать труд артиста, а крестьянин тоже артист. Труд на земле радостен, потому что развивает в крестьянине цельную личность в единстве умственных, физических и нравственных сил. «Власть земли» делает крестьянина свободной, творческой личностью, причастной к Божьему всемогуществу.

Дорош вспоминает о своём соседе – бывшем горожанине, который на пенсии обустроил сад, такой, что автору «приходит на память древнейшее из упоминаний работы на земле: “И насадил господь бог рай в Едеме на востоке”¹. Дачник, «если взять его отдельно от земли», и сквернослов, и спекулянт, но «в самом корне его существования, употребляя слова Успенского, лежит невозможность послушания повелений земли, и это, я бы сказал, возвеличивает моего соседа»². Предупреждая недоумение советского читателя, Дорош писал: «Может показаться странным, что я, перечитывая очерк русского писателя-народника, соотнося его с разного рода собственными наблюдениями, то и дело вспоминаю древнейшую из книг, составленную из притч и сказаний, ... где приводятся обстоятельные подробности, касающиеся земли, скота, урожая...»³.

По мнению Дороша, «власть земли», открытая Успенским, сближается с

библейской притчей, которая, осваивая «универсальные архетипические ситуации общечеловеческой жизни», ставит героя «лицом у лицу с ценностным абсолютом» [11, с. 37], то есть с Богом. Очеркист возводит рассказ Успенского о «власти земли» к библейской притче об Иакове и Исаве. Охотник Исав продал своему брату-земледельцу Иакову первородство за чечевичную похлёбку (Быт. 25:27–34), тем самым утвердив Божью благодать, сходящую на земледельца: «и когда мне случается читать, как господь обонял приятное благоухание, исходившее от сжигаемых на жертвеннике мяса и пшеничной муки, я вижу пашущего землю и пасущего стадо мужика, по образу и подобию своему сотворившего бога, как и мужик радующегося запаху горячего бараньего жира и свежеиспечённой лепешки. Я снова принимаюсь за Успенского»⁴.

В библейском контексте Дорош истолковывает и былинку о Микуле Селяниновиче, пересказанную Успенским. Для русского человека губительно утратить «власть земли», а вместе с ней цельность и нравственное отношение к жизни: «Меня занимает сторона нравственная. При всем том, что со времени первой публикации «Власти земли» прошло 79 лет, из которых больше половины падает на коренным образом отличный от предыдущего общественный строй и даже профессии, не говоря уже об обстоятельствах, упоминаемых Успенским, давно исчезли, я всё же считаю не устаревшими его соображения отно-

¹ Дорош Е. Я. Иван Федосеевич уходит на пенсию // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 526.

² Там же.

³ Дорош Е. Я. Иван Федосеевич уходит на пенсию // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 535.

⁴ Дорош Е. Я. Иван Федосеевич уходит на пенсию // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 527.

сительно крестьян, отделившихся от труда и “вылезших” к деньгам, щеголяющих “анкерными” часами, исполненных пошлости, глупого “форцу”»¹.

Таким образом, постижение Дорошем русского крестьянского мира было опосредовано литературным опытом Успенского. От критики бюрократической номенклатуры в духе «Районных будней» Овечкина Дорош шёл к постижению красоты крестьянского труда и религиозному откровению о матери-сырой земле.

Очерки Дороша ознаменовали поворот советской очеркистики от социальной критики к осмыслению онтологических основ русского крестьянства

(характерно, что от очерка к очерку из лексики Дороша вытравляется социальное имя «колхозник», заменяясь национальным – «русский крестьянин») и предвещали появление романов и повестей «деревенской прозы». Центральной мифологемой, направляющей движение от «колхозного» очерка к «деревенской» прозе В. Белова, Б. Можаяева, С. Залыгина, В. Распутина, стала мифологема Успенского – «власть земли», в которой к языческим представлениям о «матери сырой земле» была привита христианская идея воскресения.

Статья поступила в редакцию 15.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. А. Русский советский очерк. Л.: Издательство ЛГУ, 1980. 120 с.
2. Атаров Н. С. Дальняя дорога: Литературный портрет В. Овечкина. М.: Советский писатель, 1977. 167 с.
3. Бельчиков Ю. А. Глеб Успенский и «деревенский очерк» середины XX века (к 170-летию со дня рождения Г. И. Успенского) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 132–139.
4. Добренко Е. Гоголи и Щедрины: уроки положительной сатиры // Новое литературное обозрение. 2013. № 3 (121). С. 163–192.
5. Евдокимова О. В. Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX века и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 8. Л.: Наука, 1988. С. 177–191.
6. Куляпин А. И., Левашова О. Г. В. М. Шукшин и русская классика. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998. 101 с.
7. Недзвецкий В. А., Филиппов В. В. Русская «деревенская» проза: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Издательство Московского университета, 2002. С. 14–23.
8. Нехай М. В. Русский демократический очерк 60-х годов XIX столетия. Минск: БГУ, 1971. С. 5–8.
9. Соловьёва И. Федосеев и Иван Федосеевич // Новый мир. 1963. № 6. С. 239–256.
10. Соколов Н. И. Г. И. Успенский: жизнь и творчество. Л.: Художественная литература, 1968. С. 235–255.
11. Тюпа В. И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности: коллективная монография / отв. ред. Е. Н. Проскурина, И. В. Силантьев. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 34–79.

¹ Дорош Е. Я. Иван Федосеевич уходит на пенсию // Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Советский писатель, 1990. С. 530.

REFERENCES

1. Alekseev V. A. *Russkii sovetskii ocherk* [Russian Soviet essay]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1980. 120 p.
2. Atarov N. S. *Dal'naya doroga: Literaturnyi portret V. Ovechkina* [A long road: a Literary portrait of V. Ovechkin]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1977. 167 p.
3. Bel'chikov Yu. A. [Gleb Uspensky and the "Village Essay" of the mid-20th Century (on the 170th Anniversary of G. Uspensky)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2014, no. 1, pp. 132–139.
4. Dobrenko E. [Gogols and Shchedrins: Lessons from Positive Satire]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2013, no. 3 (121), pp. 163–192.
5. Evdokimova O. V. [The Problem of Reliability in Russian Literature of the Last Third of the 19th century and the "Diary of a Writer" by F. Dostoevsky]. In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya. Vip. 8* [Dostoevsky. Materials and research. Iss. 8]. Leningrad Nauka Publ., 1988, pp. 177–191.
6. Kulyapin A. I., Levashova O. G. *V. M. Shukshin i russkaya klassika* [Shukshin and the Russian classics]. Barnaul, Altai State University Publ., 1998. 101 p.
7. Nedzvetskii V. A., Filippov V. V. *Russkaya «derevenskaya» proza: V pomoshch' prepodavatelyam, starsheklassnikam i abiturientam* [Russian "village" prose: To help teachers, high school students and applicants] Moscow, Moscow State University Publ., 2002. pp. 14–23.
8. Nekhai M. V. *Russkii demokraticeskii ocherk 60-kh godov XIX stoletiya* [Russian democratic essay in 1860s] Minsk, Belarus State University Publ., 1971. pp. 5–8.
9. Solov'eva I. [Fedoseev, Ivan]. In: *Novyi mir* [New World], 1963, no. 6, pp. 239–256.
10. Sokolov N. I. G. *I. Uspenskii: Zhizn' i tvorchestvo* [G. Uspensky: the Life and work] Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1968. pp. 235–255.
11. Туупа В. И. [Narrative strategy of the parable in the literary tradition]. In: Proskurin E. N., Silant'ev I. V., eds. *Pritcha v russkoi slovesnosti: ot Srednevekov'ya k sovremennosti*. [Parable in Russian literature: from the Middle Ages to the present]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2014. pp. 34–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дячук Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;
e-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Dyachuk – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Humanities Education, Vyborg branch, Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дячук Т. В. Мифологема «власть земли» в советском очерке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 92–101.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-92-101

FOR CITATION

Dyachuk T. V. The mythologem “the power of the land” in the soviet essay. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 3. pp. 92–101.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-3-92-101